

Але істэблішмэнт адпомесціў іншымі спосабамі. У 1789 годзе, у год падзення Бастыліі, ён атрымаў пасаду ў мытні і акцызным упраўленні. У 1791 годзе ён змог пакінуць гаспадарку, каб працаўаць звычайным акцызнікам (мытнікам) у Дамфрысе з заробкам 70 фунтаў стэрлінгаў у год, які быў павышаны да 90 фунтаў стэрлінгаў у 1792 годзе, калі ён быў прадстаўлены да пасады партовага чыноўніка. Але з таго яго далейшае прасоўванне было заблакавана з-за яго адкрытых палітычных поглядаў. Яго здароўе было падарвана больш сур'ёзнымі фінансавымі цяжкасцямі. Павольна, бязлітасна яго дух быў зламаны, і ён уступіў у свае апошнія гады ў стане глыбокай дэпрэсіі.

21 ліпеня 1796 года сукупнае ўздзейнне на сэрца, аслабленае празмернай працаі і паўтаральнымі прыступаў рэўматычнай ліхаманкі, нарэшце, зламала стан яго здароўя. Роберт Бёрнс памёр ва ўзросце 37 гадоў у жахлівай галечы і пад пагрозай пазыковага зняволення. У дзень яго пахавання яго ўдава, якая ў чарговы раз нарадзіла дзіця, засталася літаральна без шылінга. Яго пахаванне стала адной з найбуйнейшых дэманстрацыяў у гісторыі Шатландыі. Калі б не моцная прысутнасць ваенных, гэта было б яшчэ маштабней.

Такім з'яўляецца звычайны лёс рэвалюцыянеру — быць ператвораным у бяспходныя іконы пасля таго, як яны становяцца мёртвымі. Бёрнс не быў вылашчаным Шатландскім абрэзом. Ён быў бунтаром і падрыўніком, які ненавідзеў той самы істэблішмэнт, які цяпер спрабуе гаварыць ад яго імя. Ён выступаў за рэвалюцыю — не ўяўную рэвалюцыю, а рэвалюцыю па вобразу і падабенству 1789-93 гадоў. Не толькі ў Францыі, але і ў Англіі і Шатландыі: «*Надыдзе дзень, І між людзьмі Братэрства стане явай!*» [1, с. 53].

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Бёрнс Р. Вам слова, Джон Ячмень!: Выбр. лірыка/[Уклад., пер. з англ. і прадм. Я. Семяжона].—Мн.: Маст. літ., 1983. — с. 3 – 125.
2. Burns, Robert The Poetical Works of Robert Burns / Robert Burns. — Oxford : Oxford University Press, 1919. — p. 10 – 118.
3. Low, Donald A. Robert Burns: The Critical Heritage / Donald A. Low. — London and Boston : Henceforth Low, 1974. — p. 44 – 63.
4. Sampson D. Robert Burns: The Revival of Scottish Literature? The Modern Language Review 80/1, 1985. — p. 5 – 26.

Н. С. Зелезинская,

канд. філол. наук (Беларускій гарадзянскім універсітэт, Мінск, Беларусь)

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАРРАТИВА О ТОМАСЕ МОРЕ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ПЕРИОД РЕФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается механизм формирования новой исторической памяти и исторического сознания англичан в период Реформации англиканской церкви через метанарративы, а именно через нарратив Томаса Мора как значимой исторической фигуры недавнего прошлого. В статье сравниваются мотивы, сюжеты и образы в первой биографии Томаса Мора, написанной Уильямом Роупером и изданной в годы правления католической королевы Марии Тюдор, и пьесы Энтони Манди и Генри Четтла «Сэр Томас Мор», написанной в реформистские 1590-е гг., позже отредактированной Уильямом Шекспиром, Томасом Хейвудом и Томасом Деккером, подвергшейся цензуре Эдмунда Тилни и так и не поставленной на елизаветинской сцене. Сравнительный анализ позволяет установить концептуальные расхождения двух произведений, вызванные сменой мировоззренческой парадигмы и осознанным стремлением создать новый образ бывшего Лорда-канцлера, приемлемый с точки зрения соответствия основным историческим фактам и идеологической

(религиозной и политической) точке зрения.

Ключевые слова: историческое сознание; историческая память; нарратив; англизм; Реформация; Уильям Шекспир; Томас Мор; «Сэр Томас Мор»; Уильям Роупер.

N. S. Zelezinskaya,

PhD, Ass. Professor (Belarusian State University, Minsk, Belarus)

THE NARRATIVE OF THOMAS MORE' TRANSFORMING AS A WAY OF SHAPING A NEW HISTORICAL CONSCIOUSNESS DURING REFORMATION

Abstract. The article examines the mechanism of a new historical memory and historical consciousness formation during the Reformation period in England through metanarratives, namely through the narrative of Thomas More as a significant historical figure of the recent past. The paper compares the motifs, plots and imagery in the first Thomas More' biography, written by William Roper and published during the reign of the Catholic Queen Mary I, and the play «Sir Thomas More» by Anthony Mundy and Henry Chettle, written in the 1590s, later edited by William Shakespeare, Thomas Heywood and Thomas Decker, censored by Edmund Tilney and never performed on the Elizabethan stage. The comparative analysis reveals conceptual differences between the two works, caused by the change of world outlook paradigm and the conscious desire to create a new image of the former Lord Chancellor, acceptable from the point of view of the basic historical facts and from the ideological (religious and political) point of view.

Keywords: historical consciousness; historical memory; narrative; Anglicism; Reformation; William Shakespeare; Thomas More; «Sir Thomas More»; William Roper.

История как знание о трансформациях, наделенных смыслом и целью, включает в себя и метафорическое понятие конца истории – лиминального периода, когда целый ряд причин и следствий перестает работать, и происходит формирование новых связей, по-новому обусловленных новыми ментальными установками. Этот момент «выпадения» всегда остро ставит вопрос о смысле бытия человека, социальных общностей разного порядка, человечества в целом, поэтому лиминальный период особенно падок на создание нормативов и законов разнородного плана. Этот феномен может быть обоснован и на частном, и на государственном уровнях. Каждый человек стремится к истинности своих высказываний и потому должен добиться возможности легитимировать её собственными средствами. Государство стремится к первенству в установлении законов, которые не только меняются в переходные периоды, но и получают свое идеологическое обоснование.

Взгляд на английскую историю XVI–XVII вв. как на лиминальный период, склонный к законотворчеству и его обоснованию, позволяет объяснить многие литературные феномены. Основной причиной лиминальности стала Реформация «сверху», повлекшая за собой разграбление могил, сжигание священников, глумление над святынями. До 1536 г. (начало роспуска монастырей) никто и помыслить не мог, что благоверные католики будут названы еретиками и изменниками, а Генрих VIII из Поборника веры (титул, дарованный ему Папой за осуждение учения Лютера) превратится в экскомюникано (excommunicado). Когда короля отлучали от церкви, его подданные оказывались перед выбором, кому сохранить верность: земному господину или небесному. Большинство англичан было вынуждено «выбрать» короля, молча смотреть, как сжигают аббатов и разгоняют монахов, а потом и давать присягу, признавать, что верховная власть на земле принадлежит Генриху VIII. Этот выбор делался и под давлением силы, и из-за растерянности ввиду потери привычных «поводырей» в лице католических священников. Последовавшие после смерти Генриха VIII резкие скачки в сторону строгого протестантизма (при Эдуарде VI), затем радикального католицизма (при Марии I Кровавой) и снова к протестантизму (при Елизавете I) не способствовали душевному покою англичан. Теоцентрическое мышление

расставляло в те времена иные акценты: с отлучением от церкви и сменой доктрины баланс жизни и смерти нарушился, и само спасение души после смерти было поставлено под угрозу. Поскольку значительная часть советников короля принадлежала к духовенству или была непосредственно связана с ним, можно представить, насколько чувствительна была власть к сложившейся ситуации. Постоянно предпринимались конкретные шаги по ее нормализации: 45 положений, *Book of Common Prayers*, *Book of Homilies*, 39 положений, закон о реквизантах – как поощрения, так и наказания издавались с целью достижения религиозного единства нации. Именно королева Елизавета I была, по сути, первым монархом, не только озабочившимся этой проблемой, но и попытавшимся найти более мягкий, или «срединный», как сегодня говорят исследователи, включая в это понятие и современную политику Англиканской Церкви [1, р. 1–27].

В «Состоянии постмодерна» Ж.-Ф. Лиотар, говоря о другой эпохе, но о такой же лиминальной, как период Реформации, т.е. о той же ситуации неустойчивости и необходимости поиска нового фундамента для новых идеологических построений власти, проницательно отмечает неустранимость роли нарратива: *«нельзя... исключить, что обращение к нарративу неизбежно; по крайней мере, настолько, насколько языковая игра науки стремится к истинности своих высказываний, но не имеет возможности легитимировать её собственными средствами. В этом случае следовало бы признать потребность в неприводимой истории, которую ещё нужно осмысливать, например, так, как мы уже это наметили, т. е. не как потребность что-то вспомнить или заглянуть в будущее (потребность в историзме, потребность расставить акценты), но, напротив, как потребность забыть (потребность в metrum)»* [2, с. 72]. Эту точку зрения поддерживает, хотя и на других основаниях, социальный психолог Кеннет Джерджен, утверждая, что нарратив служит созданию моральной идентичности с определенным сообществом и на основании наших позитивных установок определяет те идеологические структуры, в которых мы видим свою коллективное будущее [3]. Если нарратив есть способ смыслообразования и легализации новых установок, то по изменению нарратива можно проследить суть изменений менталитета и более отчетливо определить интенции движущей силы (в нашем случае королевской власти). От осознания данных социокультурных процессов совершается переход к борьбе за право владеть метанарративом. Особенно важно взять под контроль наиболее важные нарративы прошлого.

В Англии одной из самых влиятельных фигур XVI века был Томас Мор (*Thomas More, 1478–1535*), при этом влияние его было не столько экономическим и даже политическим (не умаляя его дипломатические достижения), сколько культурным. Томас Мор при жизни сформировал о себе миф как о человеке мудром, образованном, неподкупном, здравом, добродетельном, благочестивом (*devotional*) – образцом. Не удивительно, что, осознавая это влияние на современников, король Генрих VIII был настолько заинтересован в согласии Томаса Мора на свой развод и новый брак, «Акт о супремации», провозгласивший короля главой англиканской церкви, что предпочел мертвого Мора несогласному (и речь шла исключительно о принародном признании).

С точки зрения намеренного формирования исторического сознания, память о таких исторических фигурах должна контролироваться в первую очередь. Конечно, нарративов о Томасе Море очень много. Вскоре после его смерти были написаны биографии *Life of Thomas More* (1556) Уильяма Роупера (*William Roper, 1496–1578*), *Life and Death of Sir Thomas More* (ок. 1557 Николаса Харпсфилда (ок. 1557), *The Life and Illustrious Martyrdom of Sir Thomas More* Томаса Стейплтона (1588), затем *The Life of Sir Thomas More* сэра Кресакра Мора (1649), *The Life and Writings of Sir Thomas More* Т. Е. Бриджетта (1892) и др. Художественные произведения в данном случае вносили не менее значимую лепту, в первую очередь, елизаветинская пьеса «Сэр Томас Мор» (*Sir Thomas More*) Энтони Манди и Генри Четтла (и позже дополненная и подредактированная тремя другими авторами: Уильямом Шекспиром, Томасом Хейвудом и Томасом Деккером), а также «Человек на все времена» (*A Man For All Seasons, 1954*) Роберта Болта (*Robert Bolt*,) и ее одноименная экранизация, ознаменовавшие начало мощной волны многочисленных биографий, научных исследований и даже специализированных журналов второй половины XX – начала XXI в.

Автор самой первой биографии, любимый зять Томаса Мора Уильям Роупер, в первом же абзаце формулирует концепцию всей своей работы: *«Sir Thomas More, knight, sometime Lord Chancellor of England, a man of singular virtue and of a clear unspotted conscience, as witnesseth Erasmus, more pure and white than the whitest snow, and of such an angelical wit as England, he saith, never had the like before, nor never shall again, universally, as well in the laws of our own realm (a study in effect able to occupy the whole life of a man), as in all other sciences, right well studied, was in his days accounted a man worthy of perpetual famous memory»* [4, p. 2]. Лишь часть своего жизненного пути человек может отдать служению королю и государству, но достоинство и незапятнанная совесть должны быть с ним нераздельно от рождения до смерти. Уильям Роупер не избегает разговора о государственной службе тестя, много пишет о заслуженных милостях короля и дипломатических способностях советника, но и не вдается в подробности монарших поручений, его основная задача – рассказать о Человеке, горячо им любимом и уважаемом и заслужившим того, чтобы потомки запомнили его исполненным всевозможных достоинств. Множество эпизодов признаны доказать нам человечность великого человека, например, история его женитьбы: пребывая во францисканском монастыре, Томас Мор знакомится с мастером Колтом и его тремя дочерьми. Ему понравилось общаться со средней, но он подумал, что старшей будет обидно остаться в девицах, если ее младшая сестра выйдет замуж раньше, и Томас Мор женился на старшей.

Биография насыщена указаниями на известные Богу и людям бесчисленные достоинства Томаса Мора: *«he was to God and the world well known of notable virtue»* [4, p. 28]) и просто похвалами: *«his notable virtue and godliness»* [4, p. 17]. Роупер показывает Мора мудрым, добрым и к людям снисходительным (*«This Sir Thomas More, among all other his virtues, was of such meekness»* [4, p. 13]), счастливо избегнувшим порока алчности даже на самых высоких постах (*«considering that for all his prince's favor he was no rich man»*), мудрым и ученым, благодаря чему и был замечен королем: *«for his wisdom and learning, had the King such an opinion, that at such time as he attended upon His Highness, taking his progress either to Oxford or Cambridge, where he was received with very eloquent orations, His Grace would always assign him»* [4, p. 30]. Автор не раз возвращается к тому, что Лорд-канцлер никогда не брал взяток (*“from all corruption of wrong-doing or bribes taking kept himself so clear”* [4, p. 35]). Но превыше всего показано религиозное рвение Томаса Мора, которое сформировало его личность, руководило его жизнью, обусловило смерть и воссияло посмертной славой. Роупер мало говорит о борьбе с еретиками и о религиозных трактатах будущего мученика католической Церкви, но рассказывает, что тестя под одеждой носил власяницу и прибегал к самобичеванию, о чем знала только его старшая дочь, лично стиравшая власяницу.

Самый трогательный эпизод биографии – рассказ о болезни дочери (будущей жена Роупера). Маргарет заболела потницей; целая серия эпидемий этой смертоносной болезни, подобной чуме, разразилась в Англии в 1485–1551 гг. [5], проверенного лечения не существовала, заразившиеся умирали, проводя ночь в лихорадке и поту. По рассказу Роупера, девочку безрезультатно лечили два знаменитых доктора, она заснула и уже не просыпалась и на ее коже уже были видны пятна – свидетельства скорой смерти, Мор не мог спать, ходил по саду и молился и внезапно нашел для нее лекарство во время своей ночной молитвы. Его осенило, что дочери поможет только клизма, что было немедленно докторами исполнено прямо со спящей, после чего она пришла в себя и постепенно обрела цветущее здоровье. Роупер приводит слова Мора после исцеления дочери: *«Whom, if it had pleased God at that time to have taken to His mercy, her father said he would never have meddled with worldly matters after»* [4, p. 7] – и в них, вероятно, мистическое, но вполне в духе благочестивого (devotional) времени объяснение многих поступков и решений великого человека.

Мотив падения вводится также с мистической подоплекой и задолго до кульминации. Рассказывая о привычках Мора и некоторых эпизодах его жизни, в которых тот проявил себя человеком лучших качеств, Роупер припоминает, как однажды гулял по берегу Темзы с тестем и тот сказал: *«Now would to our Lord, son Roper, upon condition that three things were well established in Christendom, I were put into a sack, and here presently cast into the Thames»* [4, p. 14]. Видно было, что что-то гнетет Мора. Роупер не замедлил поинтересоваться, что

это за три важные вещи, на что Мор ответил: «*The first is, that where the most part of Christian princes be at mortal war, they were all at an universal peace. The second, that where the Church of Christ is at this present sore afflicted with many errors and heresies, it were settled in a perfect uniformity of religion. The third, that where the King's matter of his marriage is now come in question, it were to the glory of God and quietness of all parties brought to a good conclusion*» [4, p. 15]. Как истинный прорицатель, Мор, будучи знаменитым, влиятельным, осыпанным милостями, уже чувствовал, что король склоняется к тем решениям, которые принесут много страданий доброй части христианского мира. Но при этом Томасу Мору была свойствена и внутренняя готовность к бедствиям и даже их радостная встреча.

Последние события и настроения Мора биограф описывает, очевидно, со слов своей жены, потому что лишь ей как любимой дочери был открыт доступ к нему в тюрьму. Не только спокойствие и полное принятие своей участи сопровождают уже бывшего Лорда-канцлера, но и радость, вызванная скорой встречей с Богом, способность противостоять соблазну и сохранить свои добродетели на пути к грядущему мученичеству. Самое время напомнить, что «Жизнь Томаса Мора» Уильяма Роупера была издана в 1556 г., во время правления католической королевы Марии Тюдор.

Но уже через два года на престол взошла ее сестра Елизавета I, по примеру отца провозгласившая себя главой Англиканской Церкви. Пьеса «Сэр Томас Мор» расставляет противоположные акценты: протагонист – прежде всего государственный деятель, советник короля. Само действие пьесы указывает на ее идею: событийный ряд охватывает беспокойства в Лондоне, мятеж и его усмирение, а с Томасом Мором мы знакомимся в вихре гражданских и политических коллизий. Едва ли не первые его слова «*Lifter, I am true subject to my king*» [6, акт 1, сцена 2] имеют двойной смысл, ведь зрители знают, по какому обвинению был казнен Мор. Это утверждение истинно, поскольку в момент произнесения этих слов, Мор – законопослушный подданный, и это утверждение все же ложно, поскольку в скором будущем он будет осужден за измену королю.

Однако такое двойное дно скрыто в первом акте за общим контекстом восхваления Мора как одного из мудрейших людей королевства («*You are known to be one of the wisest men That is in England*») [6, акт 1, сцена 2]. Во втором акте лондонцы устраивают погромы, поджигают дома, выпускают преступников, а Томас Мор обращает внимание собеседников (мэра и его помощников) на то, что глупые люди не знают, какова правовая ответственность за их действия. Томас Мор идет к разбушевавшейся толпе и говорит, представьте, что вы добились своих целей и заставили иностранцев бежать с детьми и котомками прочь из Англии, и что король ничего не предпринимает. Чего вы добились? Того, что не доживете до смерти в постели, потому что вы освободили насилие и вседозволенность. Теперь закона не будет, а править будет более сильный. Мор заканчивает свое обращение словами: «*Urging obedience to authority; / And twere no error, if I told you all, / You were in arms against your God himself*» [6, акт 2, сцена 4]. Толпа поражена справедливостью его слов. Так второй раз Томас Мор успешно призывает к законопослушности других персонажей. Кроме того, в обеих сценах Мор показан как спаситель жизней. Он просит судей за виновных, и те помилованы. Проститутка Долл подводит итог заслугам Мора: «*thou hast done more with thy good words than all they could with their weapons*» [6, акт 2, сцена 4]. За заслугу перед Англией в подавлении восстания, а также «замечая Вашу мудрость и достоинства», король посвящает Мора в рыцари и вводит в Тайный Совет. Мор клянется служить королю: «*My service is my kings; good reason why, / Since life or death hangs on our sovereign's eye*» – и это третья его речь о послушании королю. Заканчивается сцена неожиданным пафосным заявлением Мора: «*My lord, farewell: new days begets new tides; / Life whirls bout fate, then to a grave it slides*» [6, акт 2, сцена 4].

Однако тут же приводится довольно неожиданный монолог Мора о том, что ему теперь, возвысившись, дано писать законы и вершить суд над знатными людьми: «*Good God, good Go, / That I from such an humble bench of birth / Should step as twere up to my country's head, / And give the law out there!*» [6, акт 3, сцена 2]. Следует несколько сцен, подчеркивающих высокое положение Мора при дворе, а дальше действие стремительно

ускоряется: в 4-ом акте советник короля отказывается подписывать парламентский акт, в начале пятого его семье сообщают о смертном приговоре, последняя сцена – смерть Мора на эшафоте.

Несмотря на исключительное для елизаветинской пьесы количество персонажей, она не разваливается, поскольку всецело подчинена единому замыслу – показать, как достойный человек испортил себе жизнь, преступив закон и нарушив клятву верности королю, что одно и то же. Зная о последствиях своего поступка и даже ранее предостерегая о последствиях подобного поведения других, он, тем не менее, идет на клятвопреступление, становится изменником и получает справедливое возмездие. Даже такое идеологически выверенное вполне протестантское по духу произведение подверглось цензуре. Как указывает У. У. Грег, цензор Эдмунд Тилни оставил пометки «исправить» на рукописи рядом со сценами народного недовольства, возле сцены, где Мор отказывается подписать Клятву верховенства в Тайном Совете, сцены ранения Сэра Джона Манди [7, p. xiv]. Исследователь сетует, что нет ни одного случая, где Тилни сам внес бы правку, и мы не знаем, были ли учтены его замечания (и как) в последующих вариантах. Очевидно, все внесенные правки сделаны не по литературным, художественным критериям, а по религиозно-политическим соображениям [7, p. xiv]. Пьеса не была поставлена.

Рассмотренные нами произведения – биографию и пьесу – разделяют всего 40 лет, но за это время был сделан огромный прыжок из католицизма в протестантизм, мир изменился до неузнаваемости, и герои прошлого становятся неузнаваемы в отражении новой идеологии, но они не уходят и их не забывают. Убеждение в неразрывной связи времен, способствуют, с одной стороны, стремлению всякого средневекового человека ухватиться за опоры прошлого и перенести их в свое настоящее, даже если – и тем более если – между прошлым и настоящим ментальный разрыв, т. н. «конец истории», а с другой стороны, подобный позитивизм позволяет манипулировать «всяким человеком», предлагая ему в прежней обертке новые ценности.

Список использованной литературы

1. The Oxford History of Anglicanism. Vol. 1. Reformation and Identity, c. 1520-1662; ed. by A. Milton. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – 500 p.
2. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко — М.: Институт экспериментальной социологии; Спб.: Алетейя, 1998. — 160 с.
3. Gergen, K. Narrative form and the construction of psychological science // Narrative psychology: the storied nature of human conduct / Ed. by T. R. Sarbin. Westport, 1986. <https://www.semanticscholar.org/paper/Narrative-form-and-the-construction-of-science.-Gergen-Gergen/ecdf4b646275233cce4156235c05020bbe690e4c>. – Date of access: 04.09.2022.
4. Roper, W. The Life of Sir Thomas More / W. Roper; ed. by B. Wegemer and S.W. Smith. – Center for Thomas More Studies, 2003. – Mode of access: www.thomasmorestudies.org. Date of access: 01.09.2022.
5. Forestier, Thomas (la). A litil boke the whiche traytied and reherced many gode thinges necessaries for the pestilence ... made by the ... Bisshop of Arusiens ... London, 1485. – Reproduced in facsimile from the copy in the John Rylands library. With an introd. by Guthrie Vine by Knutsson, Bengt, Bp. of Vesterås, fl. 1461; Vine, Guthrie. Manchester UP, 1910. Mode of access: <https://archive.org/details/alitilbokeofthepestilence00rylauoft>. – Date of access: 4.10.2022.
6. Shakespeare, W. Sir Thomas More / W. Shakespeare // The Project Gutenberg eBook of Sir Thomas More, by Shakespeare. Release Date: November 1, 1998. – Mode of access: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/1547/pg1547.html>. – Date of access: 11.10.2022.
7. The Book of Sir Thomas More; ed. by W.W. Greg. – The Malone Society Reprint, 1911. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 80 p.